

ВАСИЛИСА МЕЛЬНИЦКАЯ

ЧУДЕСНЫЕ
КУКЛЫ
БАРЫШНИ-ПОПАДАНКИ

Василиса Мельницкая

**Чудесные куклы
барышни-попаданки**

«Автор»

2025

Мельницкая В.

Чудесные куклы барышни-попаданки / В. Мельницкая —
«Автор», 2025

Не загадывайте глупых желаний, они могут сбыться! В ночь зимнего солнцестояния я в шутку захотела стать похожей на куклу-барышню, которую сделала для продажи. И утром проснулась в другом мире купеческой дочкой, богатой наследницей, завидной невестой. Меня насильно выдали замуж, отобрали наследство и приговорили к смерти. А я сбежала, устроилась на работу и ищу начальный капитал, чтобы открыть свое дело, ведь я умею мастерить волшебных кукол. Мне бы еще избавиться от мужа! Но я не знаю его имени и не представляю, как он выглядит... Первая часть

Содержание

Глава первая, в которой Марьяну похищают, а Владислав внезапно женится	5
Глава вторая, в которой Марьяна превращается в куклу	10
Глава третья, в которой Владислав попадает на конкурс красоты	13
Глава четвертая, в которой Марьяна играет по чужим правилам	16
Глава пятая, в которой Влад терпит неудачу	19
Глава шестая, в которой Марьяна встречает таинственного незнакомца	22
Глава седьмая, в которой Владислав находит жену и новые проблемы	25
Глава восьмая, в которой Марьяна мечтает о спасителе с родинкой	28
Глава девятая, в которой Владислав получает подарки	31
Глава десятая, в которой Марьяна встречается с прошлым	34
Глава одиннадцатая, в которой Марьяна становится матерью	37
Глава двенадцатая, в которой Владислава отстраняют от дела	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Василиса Мельницкая

Чудесные куклы барышни-попаданки

Глава первая, в которой Марьяну похищают, а Владислав внезапно женится

Марьяна

Меня украли прямо на улице.

Шустрый мальчишка выдернул из рук сумку, вместе с кошельком, и пустился наутек.

– Вор! Держи вора! – закричали вокруг.

– Ах, ты... – выдохнула я, закипая от злости.

И подобрала юбки, чтобы бежать следом за мальчишкой. Его пытались поймать, но он ловко выворачивался и юрко пробирался к площади, где определенно намеревался свернуть и затеряться в переулках Хитровки.

Увы, но приличия не позволяли поднять юбку высоко, чтобы бежать было удобно. Покрой платья, прямого и узкого, весьма ограничивал длину шага. Так что я мысленно попрощалась с деньгами, когда...

– Барышня! Барышня! – раздался рядом мужской голос.

Кто-то тронул меня за локоть, подтверждая, что я именно та барышня и есть.

– У меня ведомобиль. Садитесь быстрее, догоним, – произнес молодой человек в клетчатом костюме.

Его доброжелательная улыбка располагала, а респектабельный вид вызывал доверие. Я приняла приглашение, не раздумывая. И прохожие успокоились: нашелся добрый человек, который поможет растяпе, не углядевшей за собственными вещами. А полицейский, прибежавший на шум, отвернулся. Оно и понятно, у стражей порядка хватает серьезных дел, а поимкой уличных воришек... пусть добрые люди занимаются.

– Он свернул налево! Налево! – воскликнула я, когда ведомобиль выехал на площадь.

– Сидите тихо, барышня, – процедил молодой человек и клещом вцепился в мой локоть. А шофер ведомобиля надавил на педаль газа...

Ох, нет. Это же не автомобиль. На педаль шофер надавил, и скорость ведомобиля резко увеличилась, но как работает двигатель на ведовстве, я понятия не имела. И знать не желала! Меня интересовало совсем иное.

– Куда мы едем?! – спросила я, безуспешно пытаясь выдрать локоть из цепких рук похитителя.

– Тише, барышня, тише, – увещевал он. – Вот приедем, и узнаете.

– Кто вы? Что вам нужно?!

– Мне? Ничего. – Похититель ответил лишь на последний вопрос. И спохватился: – Ах, да, деньги. Мне за вас заплатили.

– Кто?!

– Не могу знать.

– А вы...

– А это вам знать ни к чему.

– Очень даже к чему! – возмутилась я. – Беспредел! Я буду жаловаться! Я... Я Богданова! Дочь Ильи Никифоровича! Он... он...

– Купец, – подсказал похититель. – Наслышан. Однако ваш батюшка, кажется, почил с миром? И вы – одинокая старая дева.

Это прозвучало, как оскорбление.

– Моя тетя – настоятельница в храме матери-богини! Вы и гнева Макоши не боитесь?!

Похититель зевнул, всем своим видом демонстрируя полное безразличие. Безбожник! Но я так просто не сдамся.

– Деньги любите? Я заплачу вдвое... нет, втрое больше того, что вы получили. Если немедленно отпустите меня, разумеется.

– Интересное предложение. – Похититель не стал лукавить, оно ему понравилось. – Но, увы, не могу. Словом связан.

Словом, значит. То есть, клятвой, нарушить которую он не может. Какой предусмотрительный заказчик!

Страха я не испытывала. Скорее, бешенство. Вот как так! Средь бела дня! По собственной глупости! А похитили меня, скорее всего, из-за наследства. Эти треклятые деньги спать кому-то спокойно не дают!

– Экая вы неугомонная, – проворчал похититель. – И вертитесь, и вертитесь. Прилегли бы в обморок, не мешали злодействовать.

– Не дождетесь! – буркнула я.

Но дергаться перестала. Выпрыгивать на полном ходу из ведомобиля? Нет, увольте. Лучше поберегу силы. Я барышня, а не каскадер.

Барышня-попаданка. Правда, об этом никто не знает. Во всяком случае, из живых.

– Долго еще ехать? – спросила я, обдумывая, не разыграть ли спектакль с требованием немедленной остановки из-за нужды.

Мы мчались по шоссе, лихо обгоняя немногочисленные транспортные средства. Ведомобиль – игрушка дорогая, не каждому по карману. Поэтому москвичи и... э-э... гости города путешествовали по старинке – на лошадях.

– Вы торопитесь, барышня? А вдруг эта дорога... на тот свет?

– Да конечно! – фыркнула я. – Кто бы ни заказал похищение, я нужна ему живой. В случае моей смерти батюшкины капиталы отойдут государству.

– Одно не исключает другого, – загадочно произнес похититель.

Он отвлек меня, и я не заметила, как ведомобиль свернул к какому-то дому и въехал в гостеприимно распахнутые ворота. Во дворе он резко затормозил, и меня бросило вперед, потом – назад. Похититель выпустил мой локоть, но воспользоваться обретенной свободой я не успела. Дверца открылась, мне на голову накинута мешок, выволокли из ведомобиля, спеленали руки и ноги, как младенцу... и опять куда-то усадили. Кажется, в конный экипаж.

Мда... Сегодня домой я уже не вернусь.

Впрочем, это мелочи по сравнению с тем, что я навсегда застряла в этом мире, весьма непохожем на тот, в котором родилась.

Влад

Окончание академии бывшие адепты, а ныне магистры ведовских наук, отмечали в клубе на Пятницкой. Пили до утра – и холодненькую, и волжский квасок, и ерша в стакане. Девоч... щупали. Кажется.

Влад смутно помнил, что он делал после седьмого бокала игристого вина, но навряд ли что-то компрометирующее. Жизнь – Отечеству, честь – никому. Это правило Влад помнил крепко. И честь свою берег строже, чем иная девица – невинность.

Посему Влад сильно удивился, когда на следующий день, не позволив толком проспать, отец потребовал его к себе. Как передал гонец, «князь-батюшка сильно гневаться изволят». Влад не понимал, в чем успел провиниться, но воле родительской подчинился беспрекословно.

Наскоро сполоснув голову ледяной водой и запив тошноту стаканом огуречного рассола, Влад отправился в княжеские палаты. Очистить организм от последствий давешней попойки

вернее с помощью ведовства, но, во-первых, Влад торопился. Батюшка в гневе, да не пойми по какому поводу, пострашнее похмелья. А, во-вторых, справедливо опасался перепутать с бодуна руны. Ведовство и алкоголь – понятия несовместимые.

– Поздравляю, – ехидно произнес отец, пропустив мимо ушей Владовы приветствия.

Принимал он сына не в кабинете, а в потайной комнатке, защищенной от сглаза, подслушивания, подглядывания... в общем, от всего, что могло нанести непоправимый вред государству.

– Так вы уже поздравляли. Вчера, батюшка, – рискнул напомнить ему Влад.

Не рановато ли для старческого маразма? Отец полон сил и энергии, и навряд ли запамтовал, что лично вручал дипломы отличникам академии.

– Да не с этим, бестолочь, – поморщился отец. – А с женитьбой.

– Чего?! – опешил Влад.

– Мало тебя пороли в детстве, мало, – заключил отец, постукивая царским пальчиком по столешнице. – Вот как так получилось, дитятко неразумное, что ты женился? Без родительского позволения!

– Я не женат! – выпалил Влад. – И не собираюсь. И вообще... Кто вам такую чушь сказал?!

Отец сунул ему под нос родовую книгу, открытую на нужной странице.

– Читай, – велел он и ткнул пальцем в таблицу. – Вслух.

– Седьмого числа месяца серпня, одна тысяча девятьсот... – послушно забубнил Влад.

– Основное читай, в среднем столбце, – перебил отец.

– Юрьевский Владислав, пятый сын Великого Князя Романова Николая, узаконенный бастард, сочетался законным браком... Брехня это!

Разговаривать с отцом в таком тоне – неуважение, но Влад не вытерпел несправедливости. Ладно, его величество носом в происхождение тычут. Это снести можно, тем более, все так и есть. Влад – незаконнорожденный сын, от любовной связи с княгиней Нестужевой. Но какого беса! Не сочетался он ни с кем узами брака!

– Читай, – мрачно произнес отец.

Влад скрипнул зубами и продолжил:

– ...законным браком с девицей Богдановой Марьяной, дочерью купца первой гильдии Ильи Богданова. Не знаю я никакой Марьяны!

– Родовая книга... – Отец отобрал ее у сына и захлопнул. – Не врет. И вот как так вышло, мое неразумное дитя? Вчера вечером записи не было, сегодня ночью появилась. Так ты ночью предавался разврату в клубе или в храме Лады у алтаря стоял?

– Да какому разврату, батюшка? – опять возмутился Влад. – Ну, выпил лишку. Так ведь повод был.

– Был, – как-то спокойно согласился отец.

Когда он становился таким спокойным, у Влада шевелились волосы на копчике. То есть, образно говоря. И по спине бежали мурашки размером с кабанчика. Тоже образно.

– А у меня теперь есть повод сослать тебя в Сибирь, – заключил отец.

– За что?!

– За то, что ты... – Отец подошел ближе и по щеке Влада потрепал, как младенца. – ...чудо окающее, спровоцировал военные действия между Русью и Силлой.

– Я?!

– Угу. То есть, спровоцируешь, если о твоей женитьбе станет известно. Потому как император Силлы отдает за тебя свою дочь. В знак дружбы между нашими государствами. И как ты теперь женишься? Или гарем заведешь, возьмешь принцессу в наложницы?

Быстро. Влад предполагал, что отец решит его судьбу сам, в целях укрепления государства. И не предполагал, а знал совершенно точно. Жизнь – Отечеству, честь – никому. Но как-

то надеялся, что успеет погулять... холостым. Рано ему еще о женитьбе думать. А тут вот оно как, уже сосватали.

И женили! Только на другой. Но как?!

– Этот брак нельзя опротестовать? – спросил Влад. – Меня там не было.

– Был, – вздохнул отец. – Сколько еще повторять? Родовая книга не врет.

– Но я этого не помню!

– Вот это уже паршиво. Представляешь, какой скандал грянет, если начать официальное расследование?

– А если меня опоили? – осенило Влада. – Подмешали...

– Магистра ведовских наук с золотой медалью? – Отец с любопытством вздернул бровь. – Младшего брата великокняжеского артефактора?

Влад окончательно сник. Как ни крути, скандал действительно получится знатным. Газеты опишут младшего отпрыска Великого Князя, как раздолбая, неуча и распутника. Мало того, что батюшка скандалов дюже как не любит, еще и от матушки достанется. Пойдут сплетни. А тут еще эта невеста...

– Но ведь опоили же, – упрямо пробурчал Влад. – Это незаконный брак.

– Законный, – возразил отец. – На жертвенный камень ваша кровь пролилась, и оба под приворотным зельем были, если Лада сочла ваш союз добровольным.

– Почему оба под зельем? Может, девица все и устроила! Я все же... княжич.

Последнее слово Влад произнес шепотом, запоздало вспомнив, что батюшка не выносит, когда его отпрыски кичатся титулами. Вот и сейчас рывкнул свое излюбленное:

– Дырка от бублика, а не княжич!

Правда, сильно не разозлился, все же титул Влад к месту вспомнил.

– Девице это вроде бы ни к чему. Она, конечно, из купеческого сословия, но богата. Не слышал, что ли, про купца Богданова? А подштанники-то, небось, с его фабрики носишь.

– Это который... поставщик двора?

– Он самый. Только он помер, зимой еще, а наследство дочери оставил. Невеста завидная. И как-то сомневаюсь я, что ей взбрело в голову жениться на... кхм... – Отец ехидно кашлянул. – ...моем отпрыске.

– А если взбрело? – нахмурился Влад. – И, вообще, где она?

– Вот ты это и выяснишь, – обрадовал отец. – Кому взбрело, где твоя невеста... то есть, жена. И разведешься заодно, когда ее найдешь. Брак считается недействительным, пока вы не... кхм...

– Об этом тоже в книге написано?

Щеки полыхнули жаром, будто отец застал Влада за каким-то непотребством.

– А как же!

– Искать я ее буду... один? – Влад поспешно сменил тему.

– Не справишься? Ты постарайся, Владушка. Я в тебя верю.

Отец шагнул ближе, сжал Владовы плечи. Пахнуло знакомым древесным ароматом туалетной воды. Его Влад помнил с детства. Как и этот взгляд, внимательный, цепкий... но добрый, даже когда строгий. И эти руки – крепкие, сильные, с шершавыми ладонями.

– Если скандал полыхнет, да до Силлы докатится, государственным преступником не объявлю, – пообещал отец. – Но, сам понимаешь...

Влад понимал. Придется уехать в захолустье, и о карьере артефактора под началом брата можно забыть. Батюшка простит, а запятнанную честь вовек не отмоешь.

– Но ты осторожнее, что ли, – продолжил отец. – Если почувствуешь, что не справляешься, дай знать. Лучше скандал пережить, чем твои похороны.

– Я все сделаю, батюшка, – пообещал Влад. – Справлюсь.

Покидая княжеские палаты, он думал о том, что фраза «Без меня меня женили» может иметь отнюдь не иносказательный смысл.

Глава вторая, в которой Марьяна превращается в куклу

Марьяна

Когда мешок с головы сняли, пахнуло сыростью. По глазам, привыкшим к темноте, резнул свет. Стол из грубых неотесанных досок, а на нем канделябр с тремя оплавленными свечами – первое, что я разглядела. После увидела и мужчину, стоящего чуть поодаль от стола. Невысокий, лысый, в поношенной одежде. И в маске, закрывающей все лицо.

– Что вам нужно? – спросила я, растирая затекшие руки.

Их развязали чуть раньше, чем сняли мешок. А вот ноги стягивала веревка. Я едва сидела на стуле, жестком и неудобном. От долгой езды болело тело, очень хотелось пить.

– Мне – ничего, – просипел в ответ мужчина. Говорил он с трудом, и в голосе его мне слышалось змеиное шипение. – А моему хозяину...

– Деньги? – перебила я его. – Я ничего не подпишу. А если заставите, подпись опротестуют. Необходимо мое личное присутствие. Убить вы меня не можете, потому что в случае моей смерти не получите ни копейки.

– Ты выходишь замуж, – сообщил мужчина.

– Ха! Ха! Ха! – произнесла я четко и с выражением.

– Как только это произойдет, твой муж получит право распоряжаться всем имуществом. Так написано в завещании твоего отца.

Идиотский пункт. Но моя предшественница считала, что если и выйдет замуж, то исключительно за честного и порядочного мужчину. И отец включил в завещание этот пункт по ее просьбе. Чтобы, так сказать, не было соблазну бросаться на первого встречного. Эта дурочка и помыслить не могла, что ее вот так... похитят.

– С каких это пор девиц замуж выдают насильно? Лада не признает союз добровольным без моего согласия.

К счастью, здесь я провела достаточно времени, чтобы разобраться в местных обычаях и порядках.

Взгляд упал на графин, стоящий на столе. И как я раньше его не заметила? А в графине, наверняка, вода. Или что-то жидкое, хорошо утоляющее жажду.

Я облизала пересохшие губы.

И два стакана рядом. Из того же темного стекла, что и графин. Не для красоты же! В этом помещении без окон, с плесенью на каменных стенах, земляным полом и теряющимся в темноте потолком, графин и стаканы – не предметы интерьера.

Мужчина не ответил. Но взял кувшин, плеснул из него в стакан, поднес его к губам, и...

Как замороженная, я смотрела, как его кадык движется вверх и вниз, отсчитывая глотки.

– Хочешь? – предложил он, напившись.

Он наполнил другой стакан и шагнул ко мне, поднес стакан к губам. В нос ударил запах ягод. Морс! Я жадно выпила все до капли.

– Вот и согласие получено, – произнес мужчина. – Дело за малым, осталось представить жениха.

Я поздно сообразила, что в питье подмешали зелье. Как минимум, приворотное. Вот же дура! Все еще забываю, где нахожусь. Забываю, что тут нужно вести себя осторожно. Ничего не пить и ничего не есть в незнакомых местах! Потому что в питье и еду могут добавить зелье или яд. И неизвестно, что хуже!

Но как же оберег?! Разве он не должен был меня защитить?

Я пощупала шею и обнаружила, что шнурок с оберегами сняли. И когда успели? И, главное, как?! Меня уверили, что шнурок невозможно ни развязать, ни разрезать без моего желания.

Голова кружилась, но не сильно.

– Будь благоразумна, барышня, – сказал мужчина, набрасывая мне на голову платок. – Не за Чернобога замуж выходишь. Во всяком случае, сейчас.

Я вздрогнула. А ведь когда муж завладеет деньгами, моя жизнь не будет стоить и копейки.

И меня это не волнует? Я с удивлением поняла, что испугалась, скорее, имени бога смерти, чем последствий скоропалительного замужества. Похоже, кроме приворотного зелья в питье добавили что-то еще.

Мужчина снял путы с моих ног и несколькими сильными движениями растер икры, разгоня застоявшуюся кровь. Подал руку, отойдя чуть назад. Приворот еще не подействовал, мужчина не вызывал иных чувств, кроме брезгливости и ненависти. Однако зелья лишили меня и воли. Я превратилась в послушную куклу, исполняющую приказы.

– Пойдем, барышня.

И я послушно отправилась в указанном направлении.

Кукла! Вот уж, действительно, ирония судьбы...

Восемь месяцев назад

Я с детства любила играть с куклами. Мама рассказывала, что могла оставить меня с куклой на час, а то и на два, и я не уставала от игры в дочки-матери. Чуть позже я стала шить для кукол одежду из лоскутов. И вязать научилась. Мне нравилось одевать кукол в разноцветные платья и шляпки.

С возрастом увлечение куклами не прошло. Коллекционировать их я не могла, это слишком дорогое удовольствие. Зато научилась делать кукол из холодного фарфора. Я сама вылепливала им лица, раскрашивала их, шила одежду. И вскоре хобби превратилось в дополнительный источник дохода.

Кукла-барышня должна была стать украшением моей собственной коллекции. Блондинка с голубыми глазами и тугими локонами, в роскошном платье из голубого же бархата с кружевной отделкой... Она казалась мне такой живой, яркой, красивой, что я ей завидовала. По утрам ей не придется вставать на работу, ехать в душном и тесном автобусе, толкаться в метро. Она не испортит глаза за монитором компьютера. И не будет страдать от одиночества.

«Ах, если бы я могла поменяться с тобой местами...» – думала я, любуясь куклой перед сном.

Бойтесь своих желаний! Или хотя бы не мечтайте так громко, когда Карачун открывает дверь между явью и навью.

Правда, о том, что желание загадано в день зимнего солнцестояния, я узнала позже. И то, что оно сбылось, все же, чистое совпадение. Просто в то же самое время, в другом мире, чем-то похожем на наш, творилось черное колдовство. Или, как говорят местные жители, ведунство.

Уснула я в своем доме, а проснулась...

Первая мысль была о том, что я проспала. Не услышала будильника! Потому что за окном уже светло, а я все еще в постели. Пошарила рукой под подушкой, пытаясь нащупать телефон. И...

– Марьяна Ильинична! Барышня! Марьяна Ильинична! – заголосил кто-то рядом.

Я попыталась сесть, но мне не позволили. И осматривать комнату пришлось лежа, вертя головой.

Милая спальня в рюшечках. Они были везде: на занавесках и шторах, на скатерти, покрывающей круглый столик, на чехлах, скрывающих стулья, на одеяле, на подушках. И на белоснежном фартуке горничной, хлопочущей вокруг меня.

Она поправляла подушки, просила выпить воды, справлялась, как я себя чувствую, и умоляла подождать лекаря, за которым уже послали.

Я сплю? Боль от щипков, сделанных украдкой, под одеялом, подсказывала, что это не сон.

Тогда что?!

В панику я старалась не впадать и вела себя, скорее, безучастно. Тем более, горничная хоть и задавала вопросы, но просила не отвечать, поберечь силы.

Я же не сошла с ума?

Женщина в темном платье с белым воротничком, в белом же переднике, с косой, уложенной вокруг головы – горничная. Нахожусь я в спальне, потому что лежу в кровати. Мебель... старинная. Именно старинная, а не старая. Я такую в исторических фильмах видела.

Это такой... стиль? Или чей-то каприз? Или...

Я ощущала слабость во всем теле. И чувствовала запах: кислый, с примесью каких-то трав.

Но почему Марьяна? По паспорту я – Марианна.

Ворочаясь, я заметила куклу, лежащую рядом с подушкой. Потянулась к ней и замерла. Кукольное лицо... Оно так похоже на мое! Те же серые глаза, вздернутый нос, тонкие губы, родинка на щеке. И темные волосы...

– Не трогайте! – взвизгнула горничная. – Бросьте! Сейчас же!

И мне бы спросить, почему, но куклу из рук выхватили. Брезгливо так, двумя пальчиками, держа за край платья в мелкий цветочек. И оно, к слову, весьма напоминало мою ночную сорочку.

– Это же лихоманка! – выговаривала мне горничная. – Она вашу болезнь забрала. Ее теперь сжечь надо, а вы... трогаете!

От внезапной догадки поплохело. Сглотнув, я ощупала лицо. Мое или... уже нет? И волосы... Я схватила рукой прядь. Светлая!

– Зеркало... – попросила я, едва ворочая языком. – Зеркальце... дай.

– Ох, Марьяна Ильинична...

– Зеркало! – повторила я тверже.

Горничная подчинилась. Взглянув на свое отражение, я вскрикнула от испуга. Я стала похожа на куклу, что сделала своими руками.

Глава третья, в которой Владислав попадает на конкурс красоты

Влад

Батюшка не сильно гневался. Можно сказать, так... пожурил слегка. Но неприятный осадок после разговора остался.

Во-первых, нельзя сказать, что вины Влада в случившемся нет. Его опоили и использовали, но он позволил кому-то это сделать, и это само по себе весьма неприятно. Во-вторых... женитьба? Получается, эту девицу Влад найдет и разведется, чтобы без скандала жениться на другой. И его мнения, естественно, никто спрашивать не собирается.

Противно и обидно, факт. И не зря, видать, батюшка, вручая диплом, шепнул на ухо: «Добро пожаловать во взрослую жизнь, сынок».

И зря Влад от аспирантуры отказался. От научных изысканий его, небось, какой-то там женитьбой не отвлекли. Хотя...

Нет, если батюшка что-то задумал, аспирантура не спасет. Ничего не спасет. И счастье, что Влада отпустили с наказом самому разобраться с проблемой, а не отчитали, как ребенка, и не отправили под замок, пока кто-то другой улаживает его дела.

Влад снимал квартиру недалеко от княжеских палат, буквально на соседней улице. Ближе к университету отец селиться запретил, в целях безопасности. Бастард или нет, но Влад – сын Великого Князя, и, соответственно, легкая добыча для людей, нечистых на руку. Спасибо, няньку¹ не приставил. Хотя, учитывая произошедшее, нянька-то, небось, не позволил бы подопечного опохмелить и женить. И проблем было бы меньше.

Вернувшись к себе, Влад сразу отправился в комнату, что приспособил под лабораторию. Ибо для начала следовало избавиться от последствий вчерашней попойки, благо разговор с батюшкой мозги прочистил, и руны уже не путались в голове.

На аптекарских весах Влад отмерил нужные граммы зверобоя, расторопши и одуванчика, истолок травы в ступке, ссыпал в колбу, воды живой² добавил, вскипятил, остудил и процедил. И уж потом огнем на воде руны начертал – здоровья, очищения и здравомыслия. И закрепил сие «живой» и «удом», чтоб уж наверняка.

Как говорится, дешево и сердито. А что? Наставники часто повторяли: чем проще ведовство, тем оно эффективнее.

Проглотив зелье от бодуна, Влад задумался о следующем шаге. Следовало бы заняться восстановлением памяти. Процесс неприятный, но он здорово сэкономит время. Да и вернее оно, когда самому вспомнить, что делал злополучной ночью. Однако разом протрезвевший организм требовал восстановления ресурсов. То есть, у Влада прорезался зверский аппетит.

И Влад совершил стратегическую ошибку.

Квартирная хозяйка регулярно кормила постояльцев завтраками, обедами и ужинами, но исключительно по расписанию и руководствуясь твердым правилом «Кто не успел, тот опоздал». И проще было отобрать конфету у ребенка, чем выпросить у нее тарелку супа или каши в промежутке между приемами пищи. В смысле, так отобрать, чтобы ребенок не заплакал. Было такое задание у Влада на практике по прикладной ведопсихологии. До сих пор, как вспомнит того ребеночка, так вздрогнет. И мороз по коже. Ведоиллюзионисты постарались, вместо человеческого дитяти студиязам нежить подсунули. Владу тогда малыш упыря достался. Хотя, если подумать, какие у нежити дети? Это же нежить!

¹ Здесь в значении «телохранитель».

² Здесь в значении «вода с волшебными свойствами».

А ошибка в том, что Влад решил подкормиться у матушки, благо и та жила неподалеку. Не мог батюшка поселить любимую фаворитку на другом конце города. А матушка Влада, сыночка младшенького, любит и балует. И уж точно не откажет в сытном завтраке.

Она и не отказала. Только завтракать пришлось в компании старшего брата, который не нашел лучшего времени для визита, как нынешнее утро.

– На ловца и зверь, – довольно произнес Владимир, едва Влад появился в столовой.

И в прежнее время младший лишь обрадовался бы, ибо старшего любил и уважал, и работать полагал под его началом, на семейном, можно сказать, предприятии по изготовлению артефактов. Но...

Во-первых, рыльце в пушку. Князь-батюшка мог информировать старшего из бастардов о скоропалительной женитьбе младшего отпрыска. А у Владимира нрав суровый, и рука тяжелая. И матушки он не постесняется, что хуже всего. А, во-вторых, Владу сейчас не до семейного предприятия. Есть дело... государственной важности. О коем брату не расскажешь, если он не в курсе. Вот и выходило – что так, что этак, а с Владимиром Владу лучше пока не встречаться.

К слову, матушка с именами отпрыскам не заморачивалась. Или это батюшка постарался? Все они в тесном семейном кругу звались Владами. Старший – Владимир, средний – Владияр, и младший – Владислав. Братья и похожи меж собой были, к счастью, только внешне. Владимиру батюшкин характер достался, Владияр в деда по материнской линии пошел, военными науками интересовался. А Владислав... Все говорили, что он на матушку похож. Но это, наверное, потому что ее любимчик, младшенький. Влад уж давно этим тяготился, тянулся за братьями, но...

Не относились к нему серьезно, факт. Вот и сейчас матушка всполошилась, захлопотала вокруг любимого сына.

– Рано ты поднялся, Владушка. А я тебя позже ждала. Но супчик уже готов, откушай, полечись, – суетилась она. И сердилась на слуг: – Накрывайте уже, подавайте, чего копаетесь!

Владимир наблюдал за этим с брезгливостью. И Влад морщился, но матушке не перечил. Еще обидится, плакать будет. Лучше потерпеть. Да и забота, кабы она не сопровождалась суетой, была ему приятна.

Матушка подумала о том, что наутро после вечеринки у Влада будут болеть голова и желудок, позаботилась о том, чтобы ему приготовили целебный суп на жирном бульоне. А Владимир, наверняка, нарочно пришел! Догадался, что Влад наутро наведается к матушке, вот и поджидал.

– Спасибо, мама, – вежливо сказал Влад и поцеловал ее в щеку, пахнущую ландышами.

Матушка любила ландыши. И сама была похожа на ландыш – нежный, хрупкий, звенящий. И несколько ядовитый. Маленькая миниатюрная блондинка с непростым характером. Иная и не смогла бы так долго оставаться царской фавориткой. А еще ландыш символизировал красоту и материнскую любовь. Детей своих матушка очень любила, и добилась того, что их всех признали узаконенными бастардами. И это при живой княгине.

Не дожидаясь, когда Влад утолит первый голод, Владимир произнес:

– Владислав, мои поздравления. Ты, наконец-то...

Влад не дослушал. Испугавшись, что его поздравляют с женитьбой, поперхнулся супом и некрасиво закашлялся. Матушка переполошилась, от всей души огрела отпрыска кулаком по спине и подала стакан воды.

– Не в то горло... попало, – повинился Влад, отдышавшись.

– ...получил диплом ведуна, – закончил Владимир торжественную речь. – Когда к работе приступать думаешь?

«Не знает», – сообразил Влад.

– Я еще об этом не думал, – ответил он.

– А я вот думаю, возьми недельку отпуска. Или две, – великодушно предложил Владимир. – Все же после выпускных испытаний отдохнуть... не помешает.

И уставился на Влада... насмешливо.

«Знает. Но скрывает от матушки, потому и придумал этот... отпуск».

– А чтобы лучше отдыхалось, – продолжил Владимир, – дам я тебе поручение. Тебе понравится.

«Или все же не знает?»

– К-какое поручение? – любезно поинтересовался Влад.

То есть, он надеялся, что это прозвучало любезно, а клцанье зубов в начале фразы до ушей брата не долетело.

– Конкурс «Княжья краса». Слышал о таком?

– А-а... Ну, да... Это тот, что в конце лета проводится?

– Ага, он самый, – согласился Владимир. – Девушки, что местный отбор прошли, в столицу съезжаются. Будем выбирать... самую красивую.

– Будем? – переспросил Влад.

– Суть ты уловил, – широко улыбнулся Владимир. – В этом году «Влад и братья» спонсируют конкурс красоты. Ты в жюри, поздравляю.

– Я... Что?

– Братец, дорогой... Организацию и подготовку я тебе поручить пока не могу, сам понимаешь. Да и не твой это профиль. Ты же ведун, а не управленец или оценщик. А вот в жюри посидеть, на красивых девушек посмотреть...

Владимир подмигнул, улучив момент, когда матушка отвернулась.

– А я справлюсь? – засомневался Влад.

С девушками ему катастрофически не везло. В смысле, от них отбою не было. И причина этому простая – происхождение. А вот чтобы их красоту оценивать... Допустим. А по каким параметрам? Навряд ли по тем, что среди мужчин ценятся.

– Вот и проверим, справишься или нет.

«Если с таким простым заданием не справишься, зачем ты тогда нужен?» – ясно читалось во взгляде Владимира.

– Это же просто, Владушка, – заметила матушка. – Выбрать самую красивую девушку.

– Отнюдь, – засмеялся Владимир. – Во-первых, за ними глаз да глаз нужен. Каждая вторая... а то и каждая... норовит ведовством воспользоваться, чтобы красивее стать. Или взгляд отвести. Или приворожить. Или... Но тут и штатные ведуньи работать будут, они помогут обман распознать. Во-вторых, тебя будут пытаться подкупить и соблазнить. И поверь, справиться с этим не так-то просто.

– Я понял, – кивнул Влад. – Когда приступать?

– Через три дня начнут прибывать первые гости. Ты будешь официальным представителем нашей компании, поэтому обращаться за помощью девушки будут к тебе. Решать их проблемы не ты будешь, но...

– Понял, – повторил Влад. – Вежливо выслушивать, обещать помочь и передавать исполнителям.

– Схватываешь на лету.

Вот же незадача! Получается, что за три дня Влад должен найти жену и развестись. Если не справится, подведет батюшку. Или старшего брата. Или обоих сразу.

– Мама, можно еще тарелочку супа? – попросил Влад.

Аппетит разыгрался не на шутку, теперь еще и на нервной почве.

Глава четвертая, в которой Марьяна играет по чужим правилам

Марьяна

Если бы не обстоятельства, я с удовольствием понаблюдала бы за свадебным обрядом – из чистого любопытства. Но меня выдавали замуж против моей воли, поэтому испытывала я исключительно отрицательные эмоции. Да и те казались какими-то притупленными, слабыми, неживыми.

И телом своим я не владела. Женский голос за спиной шептал:

– Иди.

Я переставляла ноги, едва сгибающиеся в коленях.

– Стой. Повернись направо.

Женщину я не видела, однако отлично понимала, что она и есть кукловод. Морокунья³? Пожалуй. Причем из тех, что поклоняются Морене. Приворотные зелья, подчинение – черное ведунство. Запрещенное. И естественно, что женщина не хочет, чтобы я узнала, как она выглядит.

И жених – тоже.

Лицо мужчины, стоявшего у алтарного камня, скрывал морок. Оно расплывалось, покрывалось рябью, будто отражение в воде, а если я пыталась сфокусировать взгляд, терялось в тумане.

На меня он не смотрел. Стоял прямо. Неподвижно. Как статуя.

Тоже кукла?

А это навряд ли. Ведь это он желает жениться на богатой наследнице, он все устроил. Иначе – зачем? И поэтому он – не жертва. Не кукла, как я. Похоже, боится, что я смогу опознать его по жесту или по голосу, поэтому и ведет себя так осторожно.

К алтарному камню подошла жрица в красном балахоне, расшитом золотом. Ее лицо скрывал глубокий капюшон.

Жреца нараспев начала читать гимн, посвященный богине Ладе.

Я до сих пор не разбиралась в гимнах, но Пантеон Богов честно пыталась выучить наизусть. Лада – покровительница семейного счастья. Ни один брачный союз не заключается без ее согласия. Ее алтарный камень сделан из розовато-красного сердолика, а на поверхности вырезан лебедь. Его нам с женихом и предстоит напоить своей кровью.

«Матушка Лада, – взмолилась я мысленно, – помоги!»

Жених вдруг подал мне руку. Я вложила в его ладонь свою – без шепота за спиной, вроде бы по собственной воле. И...

Позже я поняла, что в тот момент приворотное зелье начало действовать. Я уже не казалась себе куклой. Представляла, что стою у алтаря с любимым мужчиной. И всем сердцем желала выйти за него замуж.

На наши головы надели венки из цветов и веток березы. К губам поднесли чаши с душистыми медвяным напитком. По ладони полоснуло острое ритуального ножа. Кровь пролилась на алтарь – моя и его. И, смешавшись, вспыхнула золотом.

– Лада одобрила ваш союз, – возвестила жрица.

Она связала наши руки золотой лентой, обвела вокруг алтаря. Завершая круг, я почувствовала головокружение, и пол ускользнул из-под ног.

³ Колдунья.

Восемь месяцев назад

«Я превратилась в куклу!»

Жуткая мысль вытеснила все остальные, повергнув меня в шок. И это спасло меня от разоблачения. Лекарь, прибывший, чтобы меня осмотреть, принял мое состояние за последствие болезни. Слабые попытки выяснить, где я нахожусь, расценили, как временную амнезию.

– Такое бывает, – объяснял лекарь горничной за неимением других людей в комнате. – Барышня несколько дней в беспмятстве провела. Ее исцеление – чудо. А память вернется.

К его появлению кукла, похожая на меня, исчезла из комнаты.

Лихоманка? Занимаясь изготовлением кукол, я интересовалась и историей. Таких кукол предки делали для защиты от болезней. Но это же... колдовство?

А лекарь тем временем поманил горничную из комнаты, велел мне отдыхать, пить лекарства, хорошо питаться и не спешить вставать.

К слову, если белый передник горничной не показался мне странным, то костюм лекаря заставил задуматься, в своем ли я уме.

Все же горничных в передниках вполне можно встретить в богатых особняках, например. Как и мебель, стилизованную под старину. Но...

Узкие брюки, длинный пиджак с высокой застежкой и широкими плечами. Под ним – жилет. Часы в нагрудном кармашке, на золотой цепочке. Костюм из хорошей шерсти – серый, в светлую полоску. Высокий воротник накрахмаленной рубашки и шейный платок вместо галстука. И ботинки – узкие, лаковые, с пуговицами. Пенсне. Шляпа и трость, что лекарь отдал горничной, едва войдя в комнату.

В одежде я разбиралась. Я шила ее для кукол и старалась, чтобы она соответствовала моде того или иного исторического периода.

Лекарь был одет так, как одевались мужчины в начале двадцатого века.

И какой в этом смысл?

Хорошо, пусть врач – чужак. Называет себя лекарем, носит старинную одежду, пенсне и часы на цепочке. Но в комплекте с горничной, комнатой и куклой...

Если это не сон, то я сошла с ума. Других разумных вариантов в голову не приходило.

И что делать? Подыграть? Возмутиться?

Я села, свесив с кровати ноги, но коснуться пола не удалось. Лежала я, как оказалось, не на матрасе, а на перине. На трех перинах. Я не поленилась заглянуть под простыню и пересчитать их.

– Барышня! Марьяна Ильинична! – всплеснула руками горничная, вернувшись в комнату. – Сказано же, лежать надо! Куда это вы собрались?

– Туда, куда короли ногами ходят, – пошутила я.

Как оказалось, неудачно. Лицо горничной вытянулось от изумления. Пришлось объяснять прямо:

– По нужде.

Подумалось, что если сейчас из-под кровати достанут ночную вазу, я не удивлюсь.

– А, так я провожу. – Горничная подставила плечо. – Или, может...

– Проводи, – твердо перебила ее я.

Уборная оставила двоякое впечатление: с одной стороны – фаянсовый унитаз с подведенной водой, плитка на стенах, с другой – умывальник системы «мойдодыр» с резными деревянными шкафчиками, а на плитках и унитазе – роспись под хохлому. И кран... из золота.

Содержимое шкафчиков подробно рассмотреть не удалось, беспокойная горничная постучала в дверь.

– Марьяна Ильинична, все в порядке?

Я успела открыть лишь одну коробочку, там оказался зубной порошок.

– В порядке, – заверила я ее, выходя из уборной. – Кстати, как тебя зовут?

Что ж, попробую сыграть по местным правилам. В конце концов, кто сказал, что сходить с ума нужно в мрачном и подавленном настроении? Обстановка вполне располагает... к некоторому веселью. Я же хотела оказаться на месте куклы-барышни? Мечты сбываются! И пока я не очнулась на больничной койке, пристегнутая к ней ремнями, можно насладиться жизнью... хм... кого именно?

После свадебного ритуала я очнулась в сарае, на стог сена. Меня не связали, но тело затекло, и я замерзла. Сильно болела голова, во рту пересохло. И очень хотелось есть. Похоже, провалялась я тут долго.

В сарае, кроме сена, ничего не было. Сквозь щели в дощатой стене проникал свет. Еле еле доковыляв до двери, я обнаружила, что она заперта.

– Есть тут кто? – крикнула я.

Вернее, хотела крикнуть, но голос сел, и я закашлялась. И заколотила кулаками в дверь.

– А вы кто? – поинтересовался вдруг кто-то за дверью. – И что тут делаете?

Голос мужской, незнакомый. Но отчего-то я обрадовалась. Ведь тот, кто запер меня в сарае, не стал бы спрашивать, кто я! Значит, есть шанс на спасение.

Глава пятая, в которой Влад терпит неудачу

Влад

Восстановить память не удалось.

Влад уверен, что все сделал правильно: ингредиенты зелья отмерил в должных порциях, руны воспроизвел точно, ключевые узлы ведовской силой напитал достаточно. И... ничего. Как в клуб завалились – помнит. А дальше – пустота. И пробуждение.

Такое возможно. Тот, кто Влада опоил и в храм Лады доставил, мог и блок на воспоминания поставить. И, значит, придется действовать иначе.

Опять же, день давно перевалил за середину, и можно надеяться, что Ромашка пришел в себя после вчерашней пьянки.

Добрыня Ромашкин, закадычный Владов друг, прозвище имел сообразно фамилии. Походил он, скорее, на медведя, чем на полевой цветок. На рыжего медведя, ибо шевелюру имел огненную. Да и остальной волосяной покров, в чем Влад убедился, не единожды побывав с Ромашкой в бане, отливал всеми оттенками рыжего цвета.

Высокий, широкоплечий, круглолицый, неуклюжий и шумный, он сильно отличался от сверстников с самого детства. Как и Влад. Правда, Влад по иной причине, но...

У Ромашкиных матушка остановилась погостить по дороге в Минеральные Воды. Поместье располагалось на берегу широкой реки. С тех времен Влад запомнил огромный белокаменный дом, стоявший на высоком холме. С балкона второго этажа и открывался чудесный вид на реку. В саду, окружавшем дом, цвели деревья. От малейшего движения ветерка начиналась цветочная метель. Это завораживало. Как и насыщенный приторно-сладким ароматом воздух.

Матушка Влада пригласила с Аглаей Кузьминичной Ромашкиной, в девичестве Ленской, с юных лет. Они вместе обучались в пансионе для благородных девиц, а когда Аглая вышла замуж и переехала в поместье к мужу – переписывались и навещали друг друга. Аглая никогда не чуралась дружбы с любовницей Великого Князя и, по словам матушки, никогда не пользовалась привилегиями, что эта дружба давала.

Как-то Владу довелось рассматривать солнцерики⁴ матушки в молодости. На многих она была запечатлена с подругой Аглаей, и Владу казалось странным, что она – мать Добрыни. Маленькая, белокожая, темноволосая – Аглая казалась хрупкой, как фарфоровая статуэтка. По сравнению с ней даже матушка, изящная блондинка-ландыш, выглядела крупной. А Влад, даром что ростом пошел в батюшку, был на полголовы ниже ростом и вполтину уже, чем Добрыня. Да и отец приятеля на великана не походил.

Правда, поговаривали, что в предках у Ромашкиных – богатыри-исполины, истинные потомки богов. И Добрыня похож на прадеда, снискавшего славу в великих битвах прошлого века.

Познакомились Влад и Добрыня просто. Мальчиков представили друг другу матери. Было им тогда по семь лет. Влад изо всех сил вел себя вежливо, как учила матушка. Добрыня же смотрел на сие презрительно и, уловив момент, предложил новому знакомцу прогуляться к реке. Это означало «сбежать из-под надзора воспитателей». И отказаться от столь заманчивого приключения Влад не смог.

Приключение получилось знатным. Добрыня стащил на кухне огромный ломоть свежеспеченного хлеба с хрустящей корочкой и одуряюще пахнущее чесноком колечко колбасы. Они разулись и босиком, с гиканьем, сбежали по тропинке к воде. И там, на деревянных мостках, опустив босые ноги в воду, уплетали хлеб и колбасу. А после ловили огромных стрекоз с прозрачными крыльями. Убегали от чьей-то собаки. Кубарем скатывались с холма по траве.

⁴ Здесь – фотографии.

Строили замок из песка и палок на берегу реки. И, возможно, даже успели бы покататься в лодке, что нашли на берегу, но беглецов обнаружили, поймали и сопроводили в дом.

Матушка пришла в ужас – и от поступка Влада, и от его внешнего вида, и от испорченной одежды. Белый костюмчик-матроска стал похож на грязную тряпку и восстановлению не подлежал. А еще Влада, укусила какая-то тварь – то ли слепень, то ли комар – и щеку раздуло так, что один глаз превратился в щелочку.

– Твой сын... это твой сын... – только и повторяла матушка, принимая успокоительные капли из рук подруги.

По ее мнению, виноват во всем был Добрыня. И его отец, дабы не огорчать гостью, а, возможно, и потому, что прекрасно знал характер собственного отпрыска, отправил слугу за розгами.

Такой несправедливости Влад снести не мог. Топая ногами и повышая голос, что само по себе являлось вопиющим безобразием, он доказывал, что сбежал по собственной воле, что Добрыня не заставлял его бегать босиком и кататься по траве. Тем более, не науськивал комаров кусаться.

И был услышан.

Матушка, проявив несвойственную ей строгость, позволила хозяину дома наказать обоих мальчиков. Справедливость восторжествовала. Так что, можно сказать, Влада и Добрыню сдружила порка.

Осенью, после возвращения из Минеральных Вод, Влад поступил в закрытую школу для мальчиков. И Добрыня – тоже. Выходные они проводили вместе, под присмотром матушки Влада, что не мешало им проказничать, познавать мир... и дружить по-настоящему, по-мужски.

Влада сторонились, потому что знали о его «неблагородном» происхождении, Добрыни опасались из-за внешнего вида и неумейной силы. Изгоями в обществе сверстников они не стали, но держались особняком. И если кого и спрашивать о том, что случилось ночью, так только Добрыню. Не мог он не заметить, как друга женили.

Или... мог?

Добрыня шумно пил чай в столовой квартирной хозяйки. Рядом с пузатым самоваром стояла початая банка соленых огурцов. Добрыня отхлебывал чай из огромной кружки, кидал в рот огурец и хрустел им так громко, что Владу пришлось повысить голос, привлекая к себе внимание.

– А, это ты! – обрадовался другу Добрыня. – Присоединяйся! Лучшее средство от похмелья, знаешь ли...

– Спасибо, воздержусь.

Влада передернуло. Он знал, что в душистый чай Добрыня щедро насыпал сахару, так как обожал сочетание приторно-сладкого и чесночно-соленого.

– Как голова-то? – подмигнул Добрыня. – Не болит?

– Нет. – Влад опустил на свободный стул. – А у тебя?

– Еще пара кружечек, и перестанет. А ты чего? По делу или так?

– Или по делу, – вздохнул Влад. – Ромашка, выручай. У меня память отшибло.

– Гы! – хохотнул Добрыня. – До того, как ты с красоткой в номера подался или после?

– С красоткой?! – изумился Влад. – Так, с этого места... подробнее.

Добрыня на память не жаловался, но Владу это не помогло.

Барышень легкого поведения на вечеринку пригласил кто-то из выпускников. Хорошо подвыпившая братия жест оценила. И, по словам Добрыни, Влад почти сразу пал жертвой чар жаркой красотки, с ней и удалился «в номера», да так и не вернулся. Утром Добрыня разузнал, что Влад благополучно добрался до квартиры и спит беспробудным сном, после чего вернулся к себе.

- А что там у вас было, не знаю, – сказал Добрыня. – Так ты все позабыл? Бедолага...
- Позабыл. – Влад задумчиво поскреб подбородок. – А описать ты ее можешь?
- Девку эту? – удивился Добрыня. – Так понравилась? Хотя... ты ж ничего не помнишь!
- Да... у меня одна вещица пропала, – нашелся Влад.

Все же говорить другу правду о женитьбе он права не имел.

– Украла?! Хм... – Добрыня напрягся. И опустил очередной огурец в кружку. – Обычная она. Личико милое, размалеванное. Сиськи... Во!

Он изобразил размер обеими руками.

– Не, брат, точнее не опишу, – признался он. – Сиськи все затмили. Платье красное. А, может, бордовое? Кто его разберет...

Найти девицу по размеру груди не представлялось возможным. Да и толку? Если она подмешала Владу зелье, то ее и по точному описанию внешности не сыскать. Небось, уже из города уехала.

– Погоди, а что пропало? Может, в полицию заявить? Пусть они ее и ищут.

– Да так, безделица, – отмахнулся Влад. – Не стоит.

Похоже, придется искать... жену. Дочь купца Богданова – не иголка в стоге сена.

Глава шестая, в которой Марьяна встречает таинственного незнакомца

Марьяна

Я прильнула к щелочке между досками, силясь рассмотреть мужчину. Но он сделал то же самое, и ничего, кроме темного пятна, я не увидела.

– Меня похитили, – пояснила я.

Горло нещадно саднило, голос сел – и это не располагало к объяснениям.

– Неужели? – усомнился мужчина. – А, может, вас тут заперли за какой-нибудь проступок?

– Как это? – удивилась я.

Странно. Но, наверняка, что-то навело его на мысль, что такое возможно.

– Э-э... А где... я?

Вопрос прозвучал донельзя глупо, но ведь я, и правда, не знала, где нахожусь.

– В сарае, – хохотнул мужчина.

От злости я пнула дверь. Похоже, я ошиблась. За ней – не спаситель, а похититель. Охранник, который играет со мной, как кошка с мышью. Он попросту забавляется!

– Что же вы замолчали? – поинтересовался мужчина.

Не буду отвечать. Надо думать, как отсюда выбраться. Меня не связали – это, несомненно, плюс. Или минус? Мои похитители не столь беспечны. И, значит, уверены, что бежать я не смогу.

Зачем меня заперли? Надолго ли? Здесь холодно. Зарыться в сено? Да там, пожалуй, мыши...

В подтверждение моих слов раздался писк. Возможно, мыши и раньше копошились в сене, только я не прислушивалась.

Сейчас конец лета. Отчего же так холодно? Я поежилась и обхватила себя руками. Впрочем, ночи за городом бывают прохладными. А я долгое время провела без движения, без еды и питья. И последствия стресса никто не отменял.

И все же... Если меня хотят убить, отчего не убили сразу после свадьбы? А если не хотят, то зачем держат взаперти?

– С вами все в порядке?

В голосе мужчины слышалось беспокойство.

– Меня похитили, насильно выдали замуж, – перечислила я, загибая пальцы, – держат под замком без еды и воды, хотят убить... Со мной все в порядке?

Вопрос был риторическим, ответа я не ждала. Но дверь неожиданно распахнулась, и внутрь сарая шагнул мужчина.

Где-то я его видела... Он застыл, загораживая собой дверной проем, и хорошо его рассмотреть я не могла, на лицо падала тень. А по ощущениям...

Впрочем, стоит ли доверять собственным ощущениям, когда зубы стучат от холода, а живот сводит от голода? Про страх от неопределенности, как говорится, молчу отдельно.

Возможно, мужчина показался знакомым, потому что проявил ко мне толику сочувствия. Он шагнул ближе, снял сюртук и накинул его мне на плечи. Жест, по сути, лишенный смысла. Летние сюртуки шили из тонкой ткани, но...

Мне отчего-то стала приятна такая забота.

– Вас, правда... похитили? – спросил мужчина, присаживаясь на корточки.

Его лицо оказалось вровень с моим, в нос ударил запах дорогой туалетной воды.

– Правда, – поежилась я. – А вы... разве не должны меня охранять?

– Я? – удивился он. – Нет, вы ошибаетесь.

Мужчина не был красавцем, и черты его лица казались грубыми, непропорциональными. Высокий лоб, длинный нос, резко очерченный подбородок, густые брови, узкие губы. А вот глаза – приятные. Разрез миндалевидной формы, длинные ресницы, и радужка... то ли зеленая, то ли синяя. При неярком освещении она казалась темной. Шляпу мужчина потерял. Или не носил вовсе? Светлые волосы он собрал в короткий «хвост».

Заметив мой внимательный взгляд, мужчина вроде бы смущенно провел ладонью по лицу.

– Щетина? – виновато произнес он. – Прошу прощения, барышня. Не было времени привести себя в порядок.

Пожалуй, он все же спаситель. Охранник не стал бы вести себя так учтиво.

– Не беспокойтесь, сударь, – вежливо ответила я. – Вы не объясните, где мы находимся?

– На острове, барышня. Капище на Столобном острове.

Я нервно сглотнула. Место незнакомое, но лишь потому, что я плохо знаю историю этого мира. Однако, что такое капище, я читала. Это место силы, где славят языческих богов. Там обязательно есть Алатырный камень, на котором жрецы приносят требы богам. И пусть сейчас это молоко, мед или иные дары земли, но в древности Черному богу приносили и человеческие жертвы. Сразу стало понятно, отчего меня заперли на острове!

Подавив желание вцепиться в мужчину с воплем «Заберите меня отсюда! Немедленно!», я осторожно поинтересовалась:

– А вы... что тут делаете?

– Искал кое-кого.

– Нашли?

– Не знаю, – загадочно ответил он.

Представляться он не спешил. Впрочем, я – тоже.

– Вас вот... нашел, – добавил он. – Сейчас на острове никого нет.

– А жрецы?

– Дома жрецов и жриц на берегу озера. Тут многим богам молятся, и много скитов вокруг. Если мы не поторопимся, нас могут заметить.

– Вы заберете меня отсюда? – обрадовалась я.

– Если вы этого желаете.

– Конечно, желаю!

Я попыталась встать, но ноги не слушались. Мужчина выпрямился и подал мне руку. Опираясь на нее, я, наконец, покинула сарай.

Он был построен на краю заливного луга. Траву уже скосили, но еще не сметали в стога. Она сохла под жаркими лучами солнца. Я почувствовала его тепло, и кровь разогнялась по телу с каждым шагом.

Мужчина вел меня через луг к лодке, лежащей на песке. Мелькнула мысль, что из огня я могу попасть в полымя, ведь мой спаситель не любопытен. И кого-то искал... Не меня ли? Но я отогнала ее, рассудив, что этот, по крайней мере, не хочет меня убить. А с остальным я как-нибудь разберусь.

– Садитесь, – предложил мужчина, когда мы добрались до лодки.

– Э-э... Возможно, сначала нужно столкнуть ее в воду?

Мне показалось, что он не хочет, чтобы я замочила ноги, и собирается толкать ее в воду вместе со мной. Кстати, и весел я не видела. Он их где-то спрятал?

– Садитесь, – повторил он.

И помог мне забраться внутрь, усадил на лавку. А после... сел напротив меня, спиной к носу лодки. Только теперь я заметила, что она уже развернута носом в сторону воды.

На солнце глаза мужчины оказались яркого аквамаринового цвета. Я так откровенно на него пялилась, что он улыбнулся и спросил:

– Я вам нравлюсь?

– Я замужем! – парировала я.

И почувствовала, что краснею. Этим я лишь сильнее выдала свой интерес.

– Так и я... не свободен, – ответил мужчина, отчего-то вздыхая. – Держитесь, мы отправляемся.

Лодка качнулась, и я инстинктивно вцепилась в борта. Днище чиркнуло по песку, плеснула вода, и лодка понеслась к противоположному берегу, резво рассекая волну.

– Вы... ведун, – догадалась я.

– Да, – согласился мужчина.

Он давно развернулся к носу и правил лодкой неведомым мне способом. В моем мире это называли бы телекинезом. А здесь я старалась не думать о том, что ведовство – часть этого мира. Мне оно недоступно.

– Неподалеку скит, где живут жрицы богини Макоши, – сказал мужчина, когда мы покинули лодку. – Там есть постоянный двор. Но нужно пройти пешком...

– Нет, – перебила я его.

– У меня нет иного транспортного средства. – Он указал на лодку.

– Я не против пройти пешком, – пояснила я. – Насколько хватит сил. Но я боюсь идти к людям. Я не обманываю. Меня похитили и выдали замуж. Я даже не знаю, за кого! Им нужны мои деньги, батюшка оставил мне приличное наследство. А я – не нужна. Понимаете?

– Понимаю, – согласился мужчина. – И похитителей вы не знаете?

– Нет...

– И будете бояться любого, кто встретится у вас на пути, – кивнул он. – Но меня вы не боитесь?

– Боюсь, – призналась я. – Но по иной причине. Вы меня не похищали, иначе не помогли бы сбежать.

– А по какой, если не секрет? – заинтересовался мужчина.

Все же надо узнать его имя. На вид он молод, года на три старше меня. И одет, как аристократ.

– Вот, возьмите. – Я отдала ему сюртук. – Спасибо, я согрелась. Мне страшно, потому что я не знаю, чего от вас ожидать. И почему вы мне помогаете.

Ответить он не успел.

– Марьяна?! – услышала я за спиной. – Марьяна, это ты? Что ты тут делаешь?!

Обернувшись, я увидела изумленную тетюшку Марфу, родную сестру моего отца. Вернее, отца той, чье место я заняла. Похоже скит, где она была настоятельницей, располагался где-то неподалеку.

Глава седьмая, в которой Владислав находит жену и новые проблемы

Влад

Дом купца Богданова располагался на тихой уютной улочке в Замоскворечье. Едва Влад подошел к калитке, из подворотни⁵ с рычанием высунулась лохматая собачья голова. Время вечернее, а люди здесь ложатся спать рано, вот и спустили собаку с цепи.

Влад резво отпрыгнул в сторону, но дотянулся до кнопки звонка, не без удовольствия отметив, что сей предмет изготовлен в мастерских, принадлежащих Владимиру. Звонки лишь недавно сменили привычный дверной молоточек. Нажатие кнопки активировало силовой контур, сигнал замыкался на артефакте, находившемся в доме, и звон колокольчика извещал хозяев дома о госте.

Когда запускали линию, Влад проходил практику в лаборатории по разработке артефактов. Он предлагал брату вместо колокольчика использовать звукозапись.

– Будет забавно, если вместо привычного звона о приходе гостей будет сообщать чей-то голос. И фразы можно выбирать любые! Например, строки из стихотворения или песни. Или что-то смешное. А если поместить артефакт в человечка, который будет разевать рот...

Владимир идею не оценил. Сказал, что затратно это. Невыгодно в производстве.

– Кто там? Кого принесло на ночь глядя? – недружелюбно крикнули из-за забора.

Голос мужской, старческий, скрипучий. Верно, дворник? Или сторож. Или...

Влад не успел ответить.

– Открывай, Кузьмич! – велел другой голос, девичий и звонкий. – Немедля! А то вдруг барышня! Или вот... из полицейского участка! И Тузика на цепь посади!

Тузик заливался хриплым задорным лаем.

– Ходють тут всякие, – проворчали за забором. И рыкнули на пса: – Ну, пшел! Пшел на место, кому говорят!

Собачья голова исчезла, громынула цепь. А после распахнулась калитка. Хмурый дед с седой бородой, в рубаше навывпуск, укороченных штанах и калошах на босу ногу, окинул Влада взглядом и цыкнул. За его спиной, кутаясь в платок, маячила девушка в платье горничной.

Влад поприветствовал обоих, он всегда вежливо относился к людям любых сословий, и спросил:

– Дом купца Богданова?

– Его, – подтвердил дед. – Только он преставился. Зимой еще. А хозяйки дома нет.

– Я могу ее подождать?

– Да ее со вчерашнего дня дома нет! – всплеснула руками девушка. – Исчезла!

– Вы позволите войти?

Вести такой разговор на пороге – не дело. К тому же, соседские собаки, растревоженные Тузиком, теперь лаяли хором, заглушая слова.

– А вы кто такой будете? – строго спросил дед.

– Простите, я не представился. – Влад учтиво поклонился. – Владислав Юрьевский. Я из полиции. Меня прислали... Вы же заявляли в полицию об исчезновении хозяйки?

Имя Влада, если он не добавлял к нему титул, редко связывали с Великим Князем. Так-то все знали о бастардах, но... Влад предполагал, что люди предпочитали делать вид, что не

⁵ Здесь – доска, закрывающая пространство между воротами и землей, в ней делали дыру, в дыру собака высовывала голову и могла даже укусить зазевавшегося прохожего.

понимают, кто перед ними. А про полицию он ввернул удачно. Не объяснять же слугам, что он... муж хозяйки.

– Наконец-то! – воскликнула девушка. – Пожалуйста, проходите в дом!

– Документы проверь, дурища, – попытался было вразумить ее дед, но девушка, не обращая на него внимания, повела Влада к крыльцу.

Под ногами хрустел гравий. Фонарь освещал лишь небольшую часть сада, большая тонула в темноте, и Влад успел заметить цветы, высаженные вдоль дорожки, и кусты сирени под окнами.

– Проходите, сударь, проходите, – суежилась девушка. – Подать вам чаю?

Влад отрицательно качнул головой, осматривая небольшую гостиную, куда его пригласили. Мебель добротная, но грубая. И, на его вкус, слишком вычурная. Например, вырезанные из дерева украшения на дверцах посудного шкафа покрыты золотой краской. И посуда за стеклом – с яркими цветами. Слишком много картин на стенах – с изображением моря, природы и цветов. Везде статуэтки собачек и кошечек, вязанные салфеточки, вышитые подушки.

– Присаживайтесь, – предложила девушка.

– Скажите, а в доме... есть кто-то из родственников хозяйки? Или кто... постарше?

– Родственников нет, – усмехнулась девушка. – Вернее, есть. Тетка. Родная сестра Ильи Никифоровича. Но она далеко, в скиту. И не знает, что барышня исчезла. А так еще кухарка есть, конюх. И вот дед Кузьмич. Позвать кого?

– Не надо, – отказался Влад, все же усаживаясь на низкий мягкий диван. – А вы?

– Горничная я. Татьяна. Таня...

Горничной на вид было лет двадцать пять. Однако, похоже, она единственный человек, беспокоящийся о пропаже хозяйки дома. Так что вести беседу нужно с ней.

– Таня, расскажите, когда пропала... – Влад напрягся и вспомнил имя хозяйки. – Марьяна Ильинична. И вы присаживайтесь, пожалуйста.

– Так вчера же! – всплеснула руками Таня. – Ушла... и не вернулась.

Она села напротив Влада, беспокойно теребя передник.

– В каком часу ушла? – поинтересовался Влад. – С кем? Куда?

Со слов горничной, и Влад был склонен ей верить, Марьяна Ильинична ушла из дома, позавтракав, около полудня. Ушла одна, что не выглядело необычным. После смерти купца Богданова многие слуги попросили расчет, а найти новых оказалось сложно. Марьяна Ильинична и не усердствовала в поисках, довольствовалась малым. Потому у горничной хватало забот по дому. По сути, Таня сделалась еще и экономкой – следила за счетами, за хозяйством в целом. И барышню на прогулках не сопровождала.

– Да и что тут такого? – удивлялась Таня. – Марьяна Ильинична частенько по магазинам ходят. И по иным делам. Она мастерскую планирует открыть. Ищет поставщиков, людей в помощь...

– Какую мастерскую? – тут же заинтересовался Влад. – У нее финансовые затруднения?

– Да какие затруднения? – возразила Таня. – Денег много. Того, что батюшка ей оставил, до конца жизни хватит. В делах на его фабриках Марьяна Ильинична разбираться не желала, планировала все продать. А мастерская – так, баловство. Блажь. Кукольная мастерская.

В итоге Влад узнал, что финансовых трудностей у Марьяны Ильиничны нет и не предвидится. Замуж она выйти не стремилась, и была тому причина. О ней Таня упомянула вскользь, а Влад посчитал нетактичным расспрашивать о подробностях. Вроде как обожглась Марьяна Ильинична, доверившись какому-то мужчине. Сильно обожглась. И с тех пор о замужестве не помышляла.

А Таня бегала вчера по городу, искала барышню. И сегодня – тоже. В полицию заявить пыталась, но те не стали слушать. Мол, пусть родственники приходят. Какие родственники? Тетка – жрица, Таня и не знает, где ее искать. На похоронах брата была, да вот приезжала,

когда барышня едва с того света вернулась. Болела она, сильно болела, после смерти батюшки. А другие родственники – дальние. И те в большой обиде, из-за завещания. Илья Никифорович все дочери отписал, а в случае ее смерти наследство должно отойти государству. В полиции все же обещали прислать кого-нибудь, если барышня к вечеру не объявится.

Влад мысленно поблагодарил местных полицейских за разгильдяйство.

По всему выходило, что Марьяна Ильинична никаких видов на Влада не имела. Жила себе... тихо-мирно. И стало еще любопытнее, кому вдруг понадобился этот странный союз между купеческой дочкой и бастардом Великого Князя.

Влад попросил у Тани какую-нибудь личную вещь Марьяны Ильиничны. И Таня опять всплеснула руками. Мол, и как сама не догадалась обратиться к ведунам!

– Ничего, я все сделаю сам, – пообещал Влад, пряча в карман батистовый платочек с вышивкой и гребень. – Полагаю, завтра барышня вернется домой.

«Если жива, – добавил он про себя. – При таком-то раскладе...»

Владу повезло. Жена обнаружилась на Столобном острове, недалеко от Москвы. На капище, что навевало на определенные мысли. Живая, что весьма обрадовало. Все же не хотелось найти барышню мертвой.

Влад позаимствовал у старшего брата ведомобиль. Тайком позаимствовал, ибо Владимир чах над ним, как Кощей над золотом. Но иного способа быстро добраться до Столобного острова Влад не знал. Ведомобиль он оставил в ближайшей деревне, поручив его охрану старосте, а сам отправился вдоль берега в поисках подходящей лодки. Что-то подсказывало ему, что искать перевозчика – не лучшая идея.

И вот...

Можно сказать, наказ батюшки Влад выполнил. Жену нашел. Дело за малым – потребовать развод. А Влад решил присмотреться к Марьяне Ильиничне, и только диву давался, понимая, что они оба стали жертвами чьего-то злого умысла. И причина, похоже, в деньгах. Но...

Появление тетки, той самой жрицы, обернулось полной неожиданностью. Разве бывают такие... совпадения?

Глава восьмая, в которой Марьяна мечтает о спасителе с родинкой

Марьяна

Прежняя Марьяна, пожалуй, расслабилась бы, окруженная заботой тетушки. К тому же, добрую часть детства она провела в скиту, под ее надзором. Но для меня тетка Марфа была человеком незнакомым, а место не вызывало ностальгии. Я предпочла бы вернуться в город со случайным знакомым, чем...

Но кто меня спрашивал?

– Марьяша, девочка моя, – удивлялась тетушка. – Чего же ты молчишь? И что это за молодой человек? Вы вместе?!

Я не знала, как поступить. Броситься на шею тетушке со слезами на глазах и рассказать о вынужденном замужестве? Или придумать какую-нибудь иную причину, а замужество скрыть? Собственные мысли... изумляли. Возможно, настоящая Марьяна искала бы в тетке защиту, но я подозревала всех, кто хотел заполучить мои деньги.

А тетка Марфа хотела...

Она явилась вскоре после того, как я очнулась в этом мире. И радость по поводу моего выздоровления показалась мне наигранной. Тетку интересовало одно: что я собираюсь делать дальше.

– Ты не справишься с капиталами отца, – твердила она. – Наймешь управляющего? Они все воры и негодяи. Любой посчитает за честь ободрать тебя, как липку. Поедем со мной, в скит. Ты же жила там, тебе нравилось. И жрицей хотела стать, пока батюшка не воспротивился. Поедем, исполнишь мечту. Там тебе будет спокойно...

Что мне это напоминало? Сцену из фильма про гардемарин.

Мне понадобилось немало времени, чтобы разобраться в главной особенности этого мира. Вернее, государства, весьма напоминающего Россию. Оно и называлось так же! Только здесь... нет христианства.

Князь Владимир не крестил Русь. Москву не украшали золотые купола церквей. Люди, упоминая богов, не осеяли себя крестным знаменем. Это очень необычно, странно, но... пришлось привыкать. Я до сих пор искала ассоциации с нашим миром, чтобы лучше понять этот.

Вот, например, жриц, что служат богам, у нас называют инокинями. Тетка, по сути, она и есть. Одинокие женщины селились в скитах неподалеку от капищ, и посвящали себя какой-нибудь богине. Тетка Марфа служила Макоше и была настоятельницей в своем скиту.

Она уговаривала меня отречься от мира, отдать капиталы отца богине, и я чувствовала в этом ее личный интерес.

Тогда я отговорила себя нездоровьем, пообещала подумать, да так тетке и не написала. А сейчас... как оказалась рядом с ее скитом?

Я покосилась на спутника. На его лице застыло безмятежное выражение, но взгляд выдавал любопытство. Сможет ли он стать... тем самым... с родинкой? Спасти меня от заточения в скиту?

Не стоит и надеяться. Он не представился, а я уже замужем.

Кстати! Если я замужем, то не могу стать жрицей. Это помогло мне принять решение.

– Тетушка! – «отмерла» я. – Милая тетушка!

Изобразить слезы не получилось, но я вполне искренне печалилась, рассказывая вкратце о том, что со мной приключилось.

– Как?! – восклицала тетка. – Бедная девочка! – И, наконец, спросила, кивая на моего спутника: – А он – кто? Муж?

Мужчина, спокойно стоящий в стороне, вздрогнул.

– Ох, нет, тетушка... Мужа я не рассмотрела, – пожаловалась я. – А это...

– Владислав Юрьевский, – подсказал тот, кланяясь тетке. – Рядом... случайно оказался. Посещал остров... слышал, там есть источник с живой водой. Хотел поискать...

– Ай-яй-яй, юноша! – воскликнула тетка, грозя ему пальцем. – В обход закона? Без разрешения? Без даров богам?

– Виноват. Каюсь, – произнес Владислав. – Прошу простить, сударыня. И посчитать за искупление вины спасение вашей племянницы.

Мне показалось, что на его губах мелькнула усмешка.

– Марьяна Ильинична, – представилась и я, протягивая ему руку. – Простите, сударь, я поблагодарила вас за спасение, как должно...

– Не беспокойтесь, – улыбнулся он.

– А это, как вы правильно поняли, моя тетя, Марфа Ники...

– Матушка Марфа, – перебила меня она, не позволив произнести отчество. – Благодарю за помощь, Владислав...

Она вопросительно на него посмотрела.

– Влад, – сказал тот, не называя отчества. – Мне так привычнее. Марьяна Ильинична, ваше затруднение разрешилось, вас приютит тетушка...

– Я предпочла бы вернуться в город, – запротестовала я.

– И речи быть не может! – воскликнула тетка. – Ты провела столько времени взаперти! Тебя пичкали зельями! Кстати, где обереги? Я же просила их не снимать!

– Я и не снимала, – ответила я. – Их снял кто-то другой.

– Этого не может быть! – ахнула тетка. – Ты столкнулась с очень сильным ведовством. Родовые обереги нельзя снять без желания владельца.

– Или того, кто их делал, – подсказал Влад. – Но вы, верно, сами напивались их силой? Значит, остается один вариант. Слуга Морены или Чернобога.

Тетка сотворила в воздухе оберегающий знак, а после подхватила меня под руку.

– Пойдем, пойдем, – сказала она. – Тебе отдохнуть надо, а там и решим, что делать.

Тут и решать нечего. Опротестовать брак, пока не поздно. Приворотное зелье под запретом. Меня выдали замуж против моей воли. И нужно ехать в город, но... я устала. И едва держалась на ногах. Ничего же не случится, если я немного отдохну?

– А я, пожалуй, с вами пойду, – заявил Влад. – До постоянного двора. Вы не возражаете, матушка Марфа?

– Гостем будете, – ответила тетка. А потом обратилась ко мне: – Места-то узнаешь, Марьянушка? Память вернулась?

Влад бросил на меня быстрый взгляд, но промолчал.

– Не узнаю, тетушка. До сих пор в голове туманится.

Мы шли лесной тропой, удаляясь от озера. Тетка шла впереди. Я опиралась на руку Влада, потому как действительно ощущала сильную слабость. А он... не возражал.

За живой водой, значит, приехал. Не получится из него гардемарина с родинкой.

Постоялый двор от домиков, где жили жрицы, отделял частокол. Возле него мы расстались с Владом, и тетка подвела меня к крепкому срубу из толстых массивных бревен.

– Комнату свою найдешь? – спросила она у крыльца. – Располагайся, отдыхай. А я распоряжусь, чтобы поесть принесли, да баню затопили.

Как там баба Яга... действовала? В дом пригласить, накормить-напоить, в баньке попарить... зажарить и съесть. Короче, в загробный мир отправить, к реке Смородине.

Воображение разыгралось. Даром, что сказки я всегда любила. Но тетка Марфа – не баба Яга, а дом ее стоит не на курьих ногах. Да и я... не Иван-дурак. То есть, не дура. Не будет же тетка меня охранять? А я отдохну, усыплю ее бдительность... и сбегу. Свои проблемы я буду решать самостоятельно, благо сейчас не темные времена, и у женщин тоже есть права. Даже у замужних.

Глава девятая, в которой Владислав получает подарки

Влад

В город пришлось ехать одному.

Влад досадовал на случайную встречу, помешавшую планам, но ничего не мог изменить. Вернее, кое-что мог. Например, признаться Марьяне Ильиничне, что он и есть тот самый муж. И потребовать развод, на который она, кстати, согласилась бы с превеликим удовольствием. Вот только...

Как тогда узнать, кто за всем этим стоит? Это же не чья-то злая шутка. И не ошибка. И должен быть какой-то смысл в столь сложной партии. А если корни зла скрываются в черных ведунах, что служат Чернобогу и Морене? Приворотное зелье запрещено законом, но за него головы не снимают. А вот за жертвоприношения можно и жизни лишиться. Между прочим, капище Столобного острова – одно из немногих мест, где поклоняются идолам темных богов. И место древнее, напитанное силой. И поговаривают, что там есть ворота между Явью и Навью.

Влад предпочел бы ошибиться. Все же Марьяна Ильинична – определенно лишняя фигура на доске неведомого игрока, свою роль она уже сыграла. Вчера Таня достаточно рассказала о наследстве, оставленном купцом Богдановым. По всему выходило, что Влад теперь... богат. Правда, он сильно сомневался, что ему позволят завладеть хотя бы копеечкой из богатств купца Богданова.

А проверить стоило.

И за Марьяной Ильиничной Влад вернется. Отдаст ведомобиль Владимиру и...

Метку на нее Влад подвесил, теперь не потеряет.

Красивая у него, однако, жена. Мягкая, нежная... А духом сильная. Иная рыдала бы, случись с ней такое. А Марьяна Ильинична держалась стойко, без капризов. Вела себя достойно.

Глаза у нее голубые, глубокие. Конечно, не чета матушкиным... Влад их унаследовал, но считал, что мужчине они... ни к лицу. А у Марьяны Ильиничны взгляд теплый, как летнее небо. Кожа бархатная. Губы алые...

Влад фыркнул и крепче вцепился в руль ведомобиля. Остаточное действие приворотного зелья, не иначе. Какое ему дело до достоинств Марьяны Ильиничны? Выяснить, кто все это устроил, да получить развод. Остальное его не касается. У него... невеста есть.

Владимир успел обнаружить пропажу ведомобиля. И брата младшего встретил, сурово сведя брови.

– Попросить воспитание не позволило? – спросил он в ответ на искренние извинения.

– Мог не дать, – вздохнул Влад. – А мне нужно было... позарез.

– Верно, мог, – согласился брат. – И что за надобность? Девоч, небось, катал всю ночь?

– Можно и так сказать, – не стал спорить Влад.

Поведать брату правду не позволяло обещание, данное отцу.

– Я энергетические контуры обновил, – добавил Влад. – И накопители...

– Ладно, прощаю, – великодушно решил Владимир. – Но наказание понесешь.

Разница в годах позволяла Владимиру относиться к младшему брату по-отечески строго. Влад снова вздохнул.

– Иди-ка сюда, – поманил Владимир.

И сдернул холщевую ткань, покрывающую что-то в углу каретного сарая. Под ней обнаружился новенький ведомобиль – блестящий, крашенный в красный цвет, с сидениями, обитыми телячьей кожей. Влад не разбирался в моделях, но был уверен, что это – новинка.

– Твой, – сообщил Владимир. – Подарок от батюшки и нас с Яром в честь окончания академии. Матушка против, поэтому вчера я тебе ничего не сказал. Да и доставили его вечером.

– Мой? – переспросил Влад, чувствуя себя очень глупо. – Это... мне?

– Тебе, дурья башка, – хохотнул Владимир. – Только теперь я тебе его не отдам. Пока... не отдам. Дабы неповадно было брать чужое без спросу.

Влад почувствовал, что его глаза увлажнились, и быстро отвернулся. Подарок тронул его до глубины души. Кому сейчас не хочется иметь такую диковинку в собственном пользовании? И он не был исключением, но попросить не решался. Возможно, ему и не отказали бы. Ему редко отказывали, но...

Не ребенок же он, в самом деле. Сам заработает и купит. А они – подарок!

– Расстроился? – Владимир чутко уловил смену настроения, но ошибся в причине. – Вот и я расстроился, когда ты... – Он махнул рукой. – Ладно, забирай. Дело молодое. Да и пригодится он тебе вскоре. На конкурсе по поручениям бегать придется. С ведомобилем быстрее будет.

Влад молча обнял Владимира, братья похлопали друг друга по спинам и договорились, что Влад заберет подарок позже. Он еще не представлял, куда его пристроить. Не на улице же оставлять!

Владимир пригласил на обед, и Влад не стал отказываться. Он опять промахнулся с расписанием квартирной хозяйки, а перспектива хлебать щи в трактире не вдохновляла. На ресторацию у Влада не хватило бы денег, он сильно потратился перед выпуском.

– Я тут запаматовал вчера, – вспомнил Владимир. – На время конкурса в палаты переберешься. Там тебе комнаты уже выделили.

– А как же... – удивился Влад.

– Никак же, – перебил Владимир, угадав причину его сомнений. – Конкурс на Ладино Полетье начинается, а княгиня до праздника Рода на летней даче отдыхает. Не любит она конкурсную суету.

– Ага... – согласился Влад.

Узаконенные или нет, а батюшкина законная супруга бастардов не жаловала. И те старались не мозолить ей глаза, особенно когда их присутствие на официальных мероприятиях было необходимым. А тут... жить в палатах...

И пусть его комната будут далеко от княжеских покоев, Влад в этом уверен, риск столкнуться с княгиней велик.

– Послушай... – Владимир замялся, и Влад насторожился, ибо на лице брата читались сомнения и какая-то печаль. – Батюшка с тобой... о невесте не говорил?

– Говорил... вскользь. – Влад помрачнел. – Подробности еще не знаю. Она вроде бы из Силлы?

– Согласишься? – поинтересовался Владимир.

– А есть выбор? – в свою очередь спросил Влад. – Хотя не понимаю. Почему я? Почему не ты или Яр? Вы старше, и жен у вас нет.

– У меня предприятие, – развел руками Владимир. – Яр в секретном подразделении, ему не то, что жениться на заграничной принцессе, выезжать за пределы государства невозможно. А Силле ведун грамотный... нужен.

– Батюшка войной между Россией и Силлой грозился, если откажусь.

– Преувеличивает. Но...

Но! Всегда это «но»! Вечно! Старшие сыновья Отечеству нужнее, чем младший отпрыск. Влад – разменная монета. И ведь знает батюшка, что не пойдет он против его воли. Сам так... воспитал...

Влад закусил губу, чтобы не ляпнуть чего вслух.

– Выбор, Слав, есть всегда, – отчего-то нравоучительно заметил Владимир. – А я не о том сказать хотел. Дева эта... из Силлы... на конкурс прибудет.

– Чего?!

– Пожелала, – развел руками Владимир. – С этого года заграничных красавиц тоже допускают. Правда, с условием. Только невест или жен наших подданных.

– Жен? – переспросил Влад.

– Бестолочь, – беззлобно выругался Владимир. – Ты хоть о конкурсе почитай заранее. Ничего же не знаешь. Он и для невинных дев, и для замужних дам.

– Почитаю, – пообещал Влад.

Вот только принцессы из Силлы ему сейчас и не хватает!

– А говорил, мол, отдохнешь, развлечешься! – упрекнул он брата. – Под надзором невесты?

– Одно другому не мешает, – философски заметил Владимир.

После обеда, подавив соблазн прокатиться на новеньком ведомобиле, да подразнить Добрыню, Влад отправился по знакомому адресу, к дому Марьяны Ильиничны. Следовало предупредить Таню, что барышня находится у тетки. А после он собирался навеститься к нотариусу и выяснить, кто нынче распоряжается наследством купца Богданова.

Глава десятая, в которой Марьяна встречается с прошлым

Марьяна

Теткин дом, что снаружи, что изнутри, был похож на деревенскую избу. На богатую деревенскую избу, как я себе их представляла по фильмам. С крыльца я попала в сени, а из них – в небольшую чистую комнату, часть которой занимала печь. Кухонной утвари рядом с ней я не увидела, значит, печь использовалась только для отопления дома.

Здесь тетка коротала вечера и принимала гостей. У одного из окон стоял вышивальный станок с натянутой на него тканью и начатой работой. Рядом в корзинке – цветные нитки. Стол покрыт белоснежной накрахмаленной скатертью с вышивкой на углах, на лавках – подушки с той же вышивкой, на окнах – цветастые занавески. В красном углу вместо икон – домашняя кумирня, деревянные фигурки идолов на трех полках.

Я поклонилась богам, соблюдая традицию. Велесу, хранителю ключей от трех миров – его идол стоял на нижней полке, символизирующей Навь. Макоше, Ладе и... Других идолов со средней полки, Яви, я не узнала. И Роду – на верхней полке Прави. А после уселась на лавку в ожидании тетки. Искать «свою» комнату в доме не захотела. Еще подумает, что я что-то вспомнила... а мне лучше держаться версии с потерей памяти.

С печки спрыгнула кошка – черная, с белым пятнышком на груди. И, подойдя, потерлась о мои ноги. Интересно, кошка помнит ту, прежнюю Марьяну?

– Явилась! – проворчали рядом. – Не запылилась!

– А? – переспросила я, наклоняясь к кошке. – Это... ты?

Если честно, я не удивилась бы, будь кошка говорящей. А что? Ведуны есть? Есть. Слышала я, что в Муромском лесу и нежить водится – лешие, русалки и прочие сказочные существа. И вода вот есть... живая и мертвая. Может, и ученые коты есть. Те, что направо – песнь, налево...

– Я это! Я! Голову подними, чучело!

На печи, свесив ноги, сидела маленькая женщина. Совсем маленькая, с аршин ростом. Волосы убраны под платок, платице старенькое, в заплатках, лапти на босу ногу. И лицо некрасивое, сердитое.

– Ты кто? – охнула я.

– Тю! Здрасьте, приехали! Не узнаешь? Мурка, подь сюды! Кыс-кыс!

Кошка, повинувшись, запрыгнула на печку. Малютка забралась ей на спину, как на пони, и кошка перебралась на лавку, доставила наездницу ближе ко мне.

Кто это? Домовой? Домовиха... Домо...

– Домаха я! Луша.

– Марьяна, – представилась я. – Приятно... познакомиться.

– Мы знакомы. – Луша, встав на цыпочки, пыталась заглянуть мне в глаза. – Ты мне имя дала. И этого не помнишь?

– Нет, – вздохнула я. – Болела я сильно, после смерти батюшки, а как очнулась... почти ничего и не помню.

– А-а-а... – протянула Луша. – Тогда понятно, отчего не спешила вернуться. Обещала ведь!

– Что я обещала?

– Дык... – Она замолчала, нахмурившись. – Ты и о дочке не помнишь, что ли?

Я приоткрыла рот от изумления. Дочка? У Марьяны есть дочь?!

Тут хлопнула дверь, ведущая в сени, и Луша, вскочив на Мурку, скрылась на печи.

Так, значит, домаха хозяйке дома не показывается. А мне... вот... И дочка. Спросить у тетки? Одно из двух: либо она знает о ребенке и молчит, либо домаха сказала неправду. Луша могла соврать? Вроде бы домовые разные бывают – и добрые, и злые. Или, все же, третье – тетка не знает о ребенке.

– Ты чего здесь? – удивилась тетка, зайдя в комнату.

Как она правильно называется? Горница? В светлицах вроде бы нет печи... А горница – на втором этаже. Тут его нет, значит...

Я поняла, что мысли путаются. Немудрено.

– Не помню, куда идти, – сказала я.

Тетка всплеснула руками и повела меня в комнатку, что примыкала к этой. Там стояла кровать, убранная расшитым золотыми нитями покрывалом, с горой подушек, накрытых сверху кружевной тканью. В углу – сундук, внутри которого, по словам тетки, хранились старые платья Марьяны, кое-какая одежда и постельное белье с полотенцами. Стол у окна, полка с книгами. И еще какие-то шкатулочки, коробочки...

– Выберешь сама, что надеть после баньки? – Тетка кивнула на сундук. – Ты не выросла с тех пор, да еще и похудела, платья впору будут. Сейчас самовар принесут, пироги. А после баньки ущицы местной отведаешь, как ты любишь. Ох, Марьяша, Марьяша... как же так...

Она махнула рукой и вышла из комнаты, а я без сил опустилась на кровать и уставилась в пустоту. И это я наивно полагала, что все самое странное случилось, когда я попала в этот мир через куклу!

Восемь месяцев назад

Притворяться барышней, потерявшей память, было страшно. Я понимала, что в любой момент могу выдать себя. Я понятия не имела, куда попала, и не смела расспрашивать об этом горничную Таню. Я то щипала себя, в надежде проснуться, то ждала, когда закончится действие лекарств, и я очнусь на больничной койке.

Но продолжалось это недолго. В первую же ночь ко мне в комнату явился призрак настоящей Марьяны. И как же я обрадовалась его появлению!

Сначала, правда, испугалась, однако как-то... слабо. Превращение в куклу потрясло меня сильнее. К тому же полупрозрачная девушка, хоть и плыла по воздуху, вела себя без агрессии. И сразу же сказала, что не желает мне зла, и попросила погасить ночник и не звать Таню.

Мы разговаривали при свете свечи. Призрак сам по себе не излучал света, но становился виден, отражая его, как Луна. Марьяна объяснила, что мягкое пламя восковой свечи не обжигает, так ей комфортнее. Благодаря этой встрече я узнала многое.

Марьяна Богданова – единственная дочь купца-миллионщика, владеющего текстильными и швейными фабриками. Он разбогател на производстве ситца, экспериментируя с цветами и рисунком, а позже вложил деньги в мастерские по пошиву одежды из собственных тканей.

Мать Марьяны умерла при родах, лет до восьми она росла при отце, а чтению, письму и прочим наукам училась под надзором тетки.

О жизни в скиту Марьяна не рассказывала. Ограничилась одной фразой: «По желанию отца я вернулась к нему, когда мне исполнилось восемнадцать».

Вскоре у нее случилась несчастная любовь. Какой-то молодой повеса, из высшего общества, вскружил ей голову – и бросил. Вроде бы отец выбрал ему иную невесту.

«Я не подходила им... по происхождению», – грустно поведала мне Марьяна. Она тяжело переживала разрыв, опять уехала к тетке и хотела стать жрицей, но...

Заболел отец, сдало сердце, и Марьяна едва успела с ним попрощаться. И сама слегла сразу после его похорон.

– А кукла? Кто принес куклу? – заволновалась я.

– Не знаю, – прошелестела она. – Не помню...

Кукла-лихоманка должна была оттянуть на себя болезнь, а вместо этого притянула меня из другого мира. Марьяна умерла, а я очутилась в ее теле.

– Я не в обиде, – сказала Марьяна. – Так... даже лучше.

– Почему? – спросила я. – И почему ты стала призраком? Зачем ты пришла ко мне?

– Не знаю, – вздохнула она. – Хотела что-то сказать. Что-то важное держит меня здесь. Но я не помню...

Неужели это «важное» – ее дочь? Если подумать... Марьяна могла иметь связь с тем, кто ее бросил. Она забеременела и уехала рожать к тетке в скит. И родила дочку?

Я знаю, кого обо всем расспросить!

– Кис-кис-кис, – позвала я, приоткрывая дверь.

– Марьяша, иди пить чай, – сказала тетка.

И разговор с Лушей пришлось отложить.

Глава одиннадцатая, в которой Марьяна становится матерью

Марьяна

Чай я пила почти без опасения, что он отравлен ядами или зельями.

Во-первых, очень хотелось пить и есть. Во-вторых, я устала бояться. Если нельзя доверить родной тетке, жрице Макоши, то кому тогда можно? Так и с ума недолго сойти. В-третьих, если тетка и замешана в моем похищении, то в скиту она навряд ли решится вредить мне.

Правда, и помогать она не спешила.

– Куда торопиться? – ворковала тетка, подливая мне чай из самовара. – Отдохни, успокойся. А то и оставайся здесь. Развод и через поверенного получить можно. Брак признают недействительным.

– А деньги? – вяло возражала я. – Я же останусь нищей.

– Перед богами все равны. Неужто я тебя выгоню? Родная кровь. Да и боязно мне, Марьянушка. Здесь ты со мной, под присмотром. А в городе? Тебя похитили, зельями опоили, замуж выдали. А вдруг еще что нехорошее случиться? Нет, Марьяша, ты как хочешь, а я тебя никуда не отпущу.

– Хорошо, – согласилась я. – Остаюсь. Спасибо, тетушка.

Сбежать легче, если тетка будет уверена, что я послушна ее воле.

О ребенке я спросить не решилась. Подумалось, что настоящая Марьяна отчего-то страдала настоящей потерей памяти. Возможно, это обычно для призраков – забывать часть жизни. Наверняка я не знала, а спросить не у кого. Разве что у Влада? До него с ведунами я не стала кивалась лично.

– Тетушка, а нельзя ли как-то отблагодарить того молодого человека за спасение? – спросила я.

– Чем же, Марьянушка? Деньгами? Полагаю, их у него предостаточно.

– Отчего ты так решила?

– Так он живую воду искал. Значит, ведун. И не простой, а обученный. У них деньги всегда водятся. Да и не дело это, деньгами... Я вот подумала... на обед его пригласить. Пошлю кого-нибудь с запиской.

– А ему сюда можно? – удивилась я.

– Я смотрю, Марьянушка, ты и о том, как скиты живут, позабыла, – как-то грустно улыбнулась тетка. – Мы ж не в дом ночевать зовем, а в гости.

– Все я позабыла, – вздохнула я. – И как в баньке париться – тоже.

Упомянуть об этом получилось удачно. Я никогда не мылась в бане – ни в прошлой жизни, ни в этой. К счастью, в доме имелся водопровод и котел, что нагревался ведовским артефактом.

– А я помогу, – «обрадовала» тетка. – После зелий надобно пропотеть хорошенько, очистить кровь.

В бане я впервые увидела тетку без ее обычного темного платья свободного покроя. Догола она не разделась, осталась в длинной белой сорочке до пят, с длинными рукавами и воротом под горло. От пара она намокла и облепила тело, и я не без удивления отметила, что тетка – здоровая и крепкая женщина. Живот у нее плоский, руки сильные, грудь высокая. Да и седина еще не тронула волосы, что она заплела в простую косу.

Купцу Богданову, если не ошибаюсь, было пятьдесят два года, когда он умер. А сестра моложе его, значит, ей меньше пятидесяти. Интересно, что заставило ее стать жрицей?

Меня отхлестали дубовым веником так, что кожа горела. Да еще с наговорами, с молитвами. Тетка и обереги новые на шею мне повесила. И стало стыдно за свои мысли. Она обо мне заботиться, и деньги мои ей не нужны, так примет, а я ее подозреваю.

Влад на обед не пришел. Та, кого за ним посылали, доложила, что он отбыл с постоянного двора в неизвестном направлении.

– Небось, опять на остров подался, – фыркнула тетка. – За живой водой. Эта молодежь...

– Просто так брать нельзя? – спросила я.

– Там, где вода живая, рядом и мертвая, – пояснила она. – В неумелых руках живая может стать ядом, а мертвая в умелых – страшным оружием. Оттого ведунам специальное разрешение надобно иметь, для отчетности. А на острове родник молодой, его еще и не изучили толком.

Похоже, у живой и мертвой воды есть состав ингредиентов, как у минеральной – состав солей. Не всякая вода одинаково полезна.

После баньки меня разморило, и над миской ухи я клевала носом. Тетка отправила меня спать, пообещав, что разбудит к ужину.

На перинах спалось сладко. Я задернула занавески, и оставила окно приоткрытым. Под ним, в палисаднике, росли цветы, наполняя комнату сладким ароматом. И даже тревога за собственное будущее отступила.

Проснулась я от громкого звука: как будто били по металлу, но не в колокол, потому что звон был глухим и гулким.

– На вечерние гадания кличут, – сообщили мне. – Волхвы из столицы прибыли.

Спросонья понадобилось время, чтобы «перевести» сие на понятный мне язык. Волхвами здесь называли высших жрецов. Они и волшебными силами обладали, и с богами могли говорить, и пророчествовать. А гадания – это когда не только молятся богам и приносят им дары, а еще и просят о чем-то особенном, вроде дождя в засуху.

А вот кто в комнате, сообразила сразу. Поискав взглядом, я увидела Лушу на подоконнике. Она чуть отодвинула занавеску и грелась в лучах заходящего солнца.

– Тетушка там? – спросила я севшим со сна голосом.

– Все там, – сказала Луша. – Кроме тех, у кого работа.

Я вышла в соседнюю комнату, налила в чашку воды из остывшего самовара, напилась и вернулась к Луше.

– Рассказывай, – велела я.

– Чего это? – фыркнула она.

– Всё рассказывай. С самого начала. Я после болезни память потеряла.

– А-а... Ты говорила. Так это правда?

– Истинная, – заверила ее я.

– Так... с чего начать?

– Как мы познакомились?

– Так в лесу же. Не помнишь?

– Даже если ты еще сто раз спросишь, помню я или нет, память не вернется. Просто расскажи, – попросила я. И, вспомнив о том, что домовых надо угощать, предложила: – Может, хочешь чего? Молока, например?

– Молоко Мурке наливают, она делится. И хлебушка хватает. – Луша горько вздохнула. – Конфет хочу. Шоколадных. Ты раньше угощала, как батюшка гостинец присылал.

– Сейчас конфет... нет. Но я привезу, обещаю.

– Ты и вернуться обещала, – фыркнула она. – А вона как вышло.

Она говорила чисто, но простые обиходные слова в речи проскакивали. И, как выяснилось, Марьяна и к этому была причастна.

Луша рассказала, что дом, в котором она жила с мужем, сгорел при пожаре. Муж-домовой угорел, спасая хозяйское добро. В скитах домовых не привечают, и уж точно не пригла-

шают в дом, а без этого ни один из них не может переступить порог. Домаха, оставшись одна, бродила по окрестным деревням, да нигде не могла найти приют.

– Тебе лет одиннадцать было, когда мы в лесу встретились. Ты землянику собирала, с подругами.

– У меня были подруги? – невольно перебила ее я.

– При скитах всегда дети живут. Сироты. И те, кого на обучение отправляют. Ты тогда в сторону от других отошла, я и решилась у тебя хлебца попросить. А ты пирожком угостила.

Марьяна не только накормила домаху, но и пригласила ее в теткин дом, на постоянное местожительство. И имя дала – Лукерья. Луша. Они дружили, Марьяна учила Лушу грамоте и правильной речи, а тетка и не знала, что у нее поселилась домаха.

– А дочка? Я родила ребенка? Когда?

Это волновало меня сильнее остального.

– Так странно, что ты этого не помнишь, – пожаловалась Луша. – Ты уехала к батюшке, и вернулась опять. Живота заметно не было. И мужа... не было.

– Осуждаешь? – поинтересовалась я.

– То ваши обычаи, не мои, – возразила Луша. – Ты ребеночка оставить хотела. А тетка твердила, что ты опозоришь не только себя, но и отца, и ее тоже. Но ты настаивала. После тебя обманули, что ребеночек родился мертвым. А я правду рассказала. О том, что дочка твоя жива. И пообещала присмотреть за ней. А ты обещала за ней вернуться. С тех пор уж год прошел.

– Год? – переспросила я. – Но как...

– Так ты не сразу после родов уехала. Сил набиралась, да жрицей стать хотела. Потом батюшка твой заболел, ты уехала. И вот...

Луша развела руками.

Интересно, и кто же постарался лишить памяти настоящую Марьяну?

– Так она тут? Дочка тут?

– Да где ж ей еще быть... Говорю ж, при скитах всегда сироты живут. Или подкидыши.

Значит, у Марьяны есть ребенок. Из-за этого определенно придется пересмотреть дальнейшие планы. И желание отказаться от чужого наследства уже не казалось мне правильным.

Глава двенадцатая, в которой Владислава отстраняют от дела

Влад

Ворота были распахнуты. Возле них, на улице, стояла подвода, наполовину заполненная тюками и сундуками. Между ней и домом сновали юркие мужички: в дом шли порожние, а оттуда возвращались с вещами.

Заливался лаем Тузик, рыча и натягивая толстую цепь. Подле конуры, на скамеечке, сидел дед Кузьмич. Он попыхивал папироской и злобно поглядывал на грузчиков.

– А... – начал было Влад, позабыв поздороваться.

Дед Кузьмич отрицательно качнул головой и показал в сторону дома. Мол, туда иди, там разбирайся.

В доме Влад обошел несколько комнат, прежде чем нашел Таню. И везде – беспорядок, разбросанные вещи, незнакомые люди.

– Владислав Николаевич! – взвизгнула Таня, обрадовавшись ему.

И чуть ли ни на шею кинулась.

– Что происходит? Я ничего не понимаю! – жаловалась она. – Пришли какие-то люди, показали бумаги. Дом продан! И освободить его нужно до вечера. Как?! Куда нам идти? Где барышня?! Это какая-то ошибка!

Владу с трудом удалось остановить поток справедливого возмущения.

– Я к вам с хорошей новостью, – сказал он. – Марьяна Ильинична нашлась. Она жива и здорова. Сейчас она в скиту у тети.

Он внимательно наблюдал за реакцией Тани, потому что и она могла быть причастна к похищению хозяйки дома, но Таня запрыгала от радости и даже захлопала в ладоши.

– Я так рада! Так рада, что барышня нашлась! – воскликнула она. И тут же, спохватившись, добавила: – Но у нас новая беда! Вы можете? Я уверена, это мошенники!

Увы, Влад был иного мнения. Он собирался узнать у Тани, кто занимался юридическими делами Богдановых, но надобность в этом отпала. В доме находились представители и заинтересованной, и ответственной сторон.

Разговор с ними получился презабавным, потому как выяснилось, что он, Владислав Николаевич Юрьевский, подписал бумаги о передаче всего имущества своей жены, Марьяны Ильиничны Юрьевской, в девичестве Богдановой, некоему Флору Ивановичу Пастушкову. Документы заверены нотариально, подписи сомнению не подлежат.

– Вы оформляли бумаги? – спросил Влад у нотариуса.

– Никак нет, – ответил он. И называл фамилию. – А я лишь слежу за исполнением со стороны, так сказать, Марьяны Ильиничны. И то из уважения к ее покойному отцу. Явился по просьбе Татьяны, чтобы, так сказать, удостовериться в законности сделки.

Отчего-то Влад не сомневался, что того, кто оформлял подложные документы, уже не найти. И... подложные ли? Скорее всего, Влад лично ставил подписи. А что под действием зелья, так это доказать надо.

– А вы, собственно, кто? Почему интересуетесь делами Богдановых? – спросил нотариус в свою очередь. – Вы из полиции? Татьяна говорит, что Марьяна Ильинична пропала, что ее ищут...

В том, что он и есть тот самый муж, что подписывал бумаги в не твердом уме и не здравой памяти, Влад признаться не мог. Сначала необходимо сообщить о происходящем батюшке, испросить позволения. И только потом...

Влад хотел бы наплевать на условности. Ему претила мысль о том, что девушка пострадала из-за него. И пусть не он лично... Но ведь замешан! И оказался настолько беспомощен и беспечен, что позволил кому-то так с собой обойтись. Он обязан помочь Марьяне Ильиничне. Это дело чести!

Однако батюшка недвусмысленно предупредил, что огласка нежелательна. И, значит, придется докладывать ему обо всем, а потом уже действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.